

Григорий Веков

ФИЛОСОФИЯ ЛОГИКИ ЦЕННОСТЕЙ

Москва

КНИГ ЗДАТ

2023

УДК 11
ББК 87.1
В26

Веков Г.

В26 Философия логики ценностей / Г. Веков. — М. : КнигИздат,
2023. — 142 с.

ISBN 978-5-4492-0450-9

УДК 11
ББК 87.1

ISBN 978-5-4492-0450-9

© Г. Веков, 2023
© Оформление ООО «КнигИздат», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I

ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТЕЙ

противоречия высших и низших ценностей	10
Гл. 1	
Метафизическая граница рассудка и разума	10
Гл. 2	
Противоречивость разумного понимания.....	31
Гл. 3	
Оценивающий разум.....	51

Часть II

ФРАКТАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

синтез искусства и науки	67
Гл. 4	
Расовая память homo sapiens.....	67
Гл. 5	
Метафизические тензоры онтологии времени.....	82
Гл. 6	
Логика фрактальной последовательности времени	95

Часть III

МАТЕРИЯ ВРЕМЕНИ

время как метафизическая мера	109
Гл. 7	
Время – высшая ценность жизни	109
Гл. 8	
Воздействие метафизического пространства	118
Гл. 9	
Космическая действительность фрактального мира.....	129

О НОВОЙ МОДЕЛИ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ С ПОЗИЦИИ РАЗУМА

Содержанием этой книги является задача: доказать, что современное историческое время является переломным моментом перехода от одной модели исторической цивилизации – к принципиально новой модели. Возможно, что такого резкого «поворота» не знала история мировой цивилизации, насколько остры в ней «углы» и новые противоречия. При этом мы должны понимать, что цивилизация не может быть ни «западноевропейской», ни «русской», ни «китайской», ни «индийской», ни какой-то еще другой. Цивилизация может быть только «мировой», поскольку она связывает своими коммуникациями людей, обладающих разумом, во всех народах мира, хотя, конечно, модели ее развития в мировой истории различны. Оставляя поверхностный материал представлений о цивилизации для абстрактного рассудка, далекого от разумного содержания, мы утверждаем, что современное направление развития новой модели мировой цивилизации имеет «космически-технологический» характер, в отличие от модели, которая ей предшествовала, то есть «торгово-промышленной».

Другим важным моментом этой работы является усилие, направленное на то, чтобы вернуть философии ее подлинное разумное содержание, которое имеет свою собственную историю идей, где наука и религиозная вера привлекаются лишь как материал, который косвенно относится к ее самостоятельной функции в судьбе мировой культуры и цивилизации. Это особенно важно в наше время, когда философия как самосто-

тельная область знания, по существу, требующего наиболее глубоких усилий разумной мысли, практически исчезла в современной псевдоцивилизации, то есть в системе социальных коммуникаций, где исторический разум исключается как авангардная область понимания законов развития мировой цивилизации. Собственно, переход последней стадии развития одной модели цивилизации в состояние псевдоцивилизации является прямым следствием исчезновения рациональных коммуникаций между людьми, когда иррациональные процессы катастрофического распада рациональных коммуникаций во всех сферах современной культуры: в науке, религии и политике выдаются за какой-то «цивилизационный» план.

Мы вообще утверждаем, что философия как самостоятельная область понимания мира заканчивается на философии Ницше именно в силу исторического перехода западноевропейской модели цивилизации в фазу псевдоцивилизации последние полвека. Конечно, в бытовом смысле, цивилизация как увеличение материального благосостояния человека остается, как и стремительный рост научно-технического прогресса, но бытовое, или массовое, сознание не выражает основ рациональной психологии человека, а потому и не учитывается нами. Нами учитываются только высшие ценности человеческой жизни, которые утверждают ее взаимосвязь с метафизическим миром.

То, что называется «философией» в современной европейской культуре псевдоцивилизации: аналитическая «философия», постмодернизм и жалкие потуги российской гуманитарной мысли хоть каким-то минимальным образом относиться к философии, в нашем понимании философией не являются. Все это является желанием человека «порассуждать» о чем-то, причем желательно используя для этого какой-то научный стиль мысли. Достаточно лишь сравнить подобного рода плоды свободного человеческого воображения, претендующего на

то, чтобы называться «философией», с содержанием мыслей великих философов любой исторической эпохи, чтобы оценить меру пропасти: между подлинной философской мыслью и поверхностными суждениями, которые к ней почти не относятся. Впрочем, предъявлять какие-то претензии к подобного рода качеству мысли мы бы не стали, поскольку философия, по глубокому, замечанию Гегеля «имеет дело лишь с блеском идеи, отражающейся в мировой истории, отвращение к непосредственным страстям в действительности, побуждает приступить к философскому рассмотрению». Поэтому даже когда нечего сказать по существу, человеческий рассудок все равно стремиться мыслить, пусть даже разум не предлагает в этом рассудке каких-то новых идей, в силу отсутствия каких-то разумных политических сил своего времени, отвечающих новейшему проекту развития мировой цивилизации.

Большинство людей в свете известных исторических событий осознают, что мировая история вступила в какой-то кардинально новый переломный момент развития мировой цивилизации. В этом смысле, одной из неожиданных идей данной работы является утверждение, что, первоначально, новая модель мировой цивилизации должна возникнуть в России. Понятно, что, учитывая всю сложность политического момента в современной России, подобного рода утверждение кажется странным. Но мы утверждаем с позиции объективного исторического разума, то есть с такой позиции, с которой, насколько нам известно, не рассуждает никто: ни в западноевропейской мысли, ни тем более в гуманитарной российской. Возможно, конечно, что мы ошибаемся. Однако если мы и ошибаемся, то все же ошибаемся с точки зрения высшего иерархического уровня познания мира, разумного, поэтому даже к этой «ошибке» все равно придется отнестись всерьез. Мы лишь добавим, что пути мировой истории непредсказуемы, и пусть в этом случае нашу правоту оценит время, поскольку именно время

и есть та высшая ценность жизни, которая определяет судьбу отдельного человека и всего человечества.

* * *

Как известно, последним полноценным философским учением о разумном понимании мира было учение о понятии Гегеля. Но прошло две сотни лет, и понятие, пусть даже оно научное, уже не отражает всей сложности мира, которая является нам в сознании разумной действительности нашего исторического времени. Поэтому в новейшее время необходимо уже рассматривать метод познания не столько в качестве научного понятия, сколько в качестве оценивающего разума, оперирующего ценностями: низшими или высшими, в зависимости от того, насколько полно отражается граница метафизического мира в понимании высших ценностей. По существу, в контексте формирования принципиально новой модели мировой цивилизации, если говорить о высших ценностях, то мы собираем здесь лишь отдельные элементы той «лавины» нового пространства неизвестных ценностей, которым предстоит кардинально изменить историческую судьбу человечества в ближайшие столетия. Впрочем, научное содержание оценивающего разума присутствует в нем объективностью меры фрактальной структуры, которая суть математическое моделирование отдельных фрагментов материального мира. Потребность в существовании высших ценностей возникает из глубин расовой памяти любого человека на Земле, связывая его подсознательно с духом предков, а через них – со всем историческим опытом развития мировой цивилизации. Поэтому мы возвращаемся к великому Платону с неожиданной стороны его учения о «вечных» идеях, а именно со стороны учения анамнезиса как процесса непрерывного воспоминания расовой памяти человека, учитывая последний опыт полноценной фи-

лософской мысли в наиболее глубокой идее Ницше о «вечном возвращении». В отношении же критики и отрицания самим Ницше всей истории идеализма, мы используем метод диалектики рационального мышления Гегеля, то есть метод «отрицания отрицания», когда наивысшая мера отрицания в определенной оценке разума неизбежно приводит к максимальному положению того, что отрицалось, в разумной действительности. Поэтому субъективная позиция отрицания здесь сохраняется, но сохраняется в крайности противоречий: между ценностями абстрактного рассудка и действующего разума, которые способна отождествить только метафизика времени.

Автор приносит извинения за отсутствие
корректур текста

ШКОЛА РАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

ЧАСТЬ I

ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТЕЙ

противоречия высших и низших ценностей

ГЛ. 1

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ГРАНИЦА РАССУДКА И РАЗУМА

Все, что имеет цену — не имеет ценности.

Ф. Ницше

То, что определяет меру разумной действительности, необходимым образом взаимосвязано с высшими слоями человеческой психики, то есть сознанием присутствия человека в метафизическом мире. При этом, как известно из классической рациональной философии, существуют три познавательные способности человека: непосредственное восприятие, абстрактный рассудок и разумное понимание. Между этими тремя способностями познания распределяются различные ценности человека, которые определяют его непосредственный образ жизни. Здесь мы должны понимать, что дистанция между этими тремя возможностями познания мира огромна. Она определяется определенным топологическим «сглаживаем» представлений в их взаимосвязи в нечто целое, однако любая система представлений устойчива лишь в ограниченных ценностях определенной культуры.

Для объективной оценки исторических событий, разум должен использовать фрактальный метод понимания, который дает возможность оценить положение разумного человека в определенный исторический момент времени. И здесь, в первую очередь, мы должны осознавать, что структура исторического события предполагает многозначную оценку. Так, одно и то же историческое событие может трактоваться полярно противоположно в различной системе ценностей. В этом смысле, мы полагаем, что особенность любой ценностной системы состоит в неоднозначности ценности как рассудочной меры, которая стремится привести любую оценку к какому-то абстрактно непротиворечивому знанию в конечных представлениях рассудка. Только в результате категоричности рассудочной оценки в представлении, и возникает линейная взаимосвязь исторических событий, характеризующих ту или иную систему ее понимания. Однако, в отличие от категоричности рассудочного суждения, которое ограничено представлениями своей исторической эпохи, можно видеть, что понимание сущности исто-

рических событий постоянно изменяется в процессе развития мировой цивилизации, когда одни и те же исторические события оцениваются через некоторое время кардинально по-другому. Почему так происходит? Здесь мы должны понимать, что проблема состоит в том, что любое представление – это нечто «спасительное» для сознания человека, когда устойчивость представлений определяется в требовании рассудка максимально избегать противоречивости суждений любой оценки. Но подобный метод – исключение противоречивости оценочного суждения имеет и обратную сторону, которая выражается в том, что представление об исторических событиях постепенно переходит в определенную догму, подвергать сомнению которую нельзя в пределах системы ценностей любой культуры. Так абстрактным рассудком формируется вера в то, что существует нечто «вечное», поскольку невозможно отрицать представление, связывающее людей на уровне какой-то непротиворечивой системы рассудочных мыслей. Например, такой современной системой научных представлений о происхождении человека является теория эволюции, в которой представляется, что человек произошел от обезьяны. Оснований для подобных научных представлений очень много, если учесть колоссальную власть в подсознании человека его животного инстинкта самосохранения и подобия поведения массового человека в массовом обществе, напоминающего поведения примата в стае.

Ценность, которая определяет существование человека в определенный момент времени, выражает его соответствующее психологическое состояние по отношению к иерархии познавательных способностей. Так, поток психики, отображающий сознание в определенный момент времени, является той локальной точкой ценности, которая характеризует осознанное движение воли в хаосе бессознательных влечений. Понятно, что энергетический поток воли различен по своей интенсивности.

В этом смысле, то, что характеризует непреклонность максимального действия разумной воли, в отличие от влечений, всегда зависит от того, что нельзя полагать сферой чувственного непосредственного восприятия, поскольку непосредственная сфера чувственных восприятий, как мера ценности, так или иначе взаимосвязана с какими-то представлениями, а представления всегда отображают рассудочные возможности познания мира, где действие воли уравновешено движением влечений, то есть остается во власти массового бессознательного.

* * *

Мир современной псевдоцивилизации, который нас окружают в повседневном быту, практически полностью построен на конструктивных возможностях представлений, то есть на рассудочном схематизме мысли. Собственно, такова вообще функция культуры – все сводить к определенным представлениям о мире. Однако, когда сознание постоянно имеет дело только с чем-то представляемым, то есть движется в непрерывности абстрактных логических умозаключений, оно замыкается и от сложности непосредственных чувственных ассоциаций и, что более важно, от разумного понимания мира. Первое здесь исключается, поскольку рассудочная схема требует максимальной простоты эмоциональной сферы человека, а второе – отсутствует, поскольку разумная действительность не представляема в принципе. Метафизическое мышление потому и было одним из основных критериев философского предмета знания, что развивалось в понимании, что существует мир, который нельзя представить, с одной стороны, а с другой, что его эмоциональная сфера восприятия выходит далеко за привычные ассоциации непосредственной чувственной реальности. На подобный феномен, как мы полагаем, одним из первых обратил внимание Платон, раскрывая свое учение о существовании идеального мира

как мира, который далеко выходит за пределы непосредственных чувственных восприятий, являясь при этом их прообразом. Важнейшим в его учении анамнезиса, как мы утверждаем, был момент понимания, что эта особая эмоциональная сфера сознания человека существует в его памяти, когда сознание отображает не непосредственный контакт с чувственной реальностью, а поток особой эмоциональной сферы психики, связанной с постоянным процессом воспоминания. Современная мифология материалистических представлений псевдоцивилизации ассоциирует это с образом сверхмощного компьютера, пытаюсь объяснить бесконечно сложное чем-то очень простым. В действительности же, подобного рода метод упрощения чего-то максимально сложного в понимании, сначала: метафизической идеи существования богов, а затем, метафизической идеи единого Бога, по существу, стремится упростить метафизический мир до чего-то доступного в человеческом представлении на определенном уровне культуры. Поэтому высшие метафизические силы ассоциировались с человекоподобными божественными существами. То, что современные материалистические представления псевдоцивилизации в этой максимальной сложности понимания разумного мира заменили одну мифологию, религиозную, на другую мифологию – тотального научного материализма, с точки зрения рациональной философии, принципиально ничего не меняет. То, что подлинный разум исчез из научного знания, доказывает почти полное исчезновение фундаментальной науки, когда научно-технический прогресс лишь выражает власть над массовым сознанием в повседневном быту человека его технических достижений, не в состоянии понять мир как разумное целое.

Когда сознание человека «прощается» с очередной системой знакомых представлений о мире, неизбежно возникает необходимость переоценки ценностей. Ведь ценность – это всегда граница между различными психическими состояниями чело-

века, которые отображают движение в его сознании трех иерархических уровней познания: непосредственного чувственного восприятия, аналитических возможностей рассудка и действующего разума. Так, знак равенства суждений, за счет доказательств от противного, в понимании той или иной предметности, на которой строилась логика Аристотеля и, собственно, строятся познавательные возможности современных доминирующих возможностей науки, здесь невозможен. Время – вот та сокрушительная метафизическая сила, которая буквально «размазывает» границу тождества суждений абстрактного рассудка до «нуля», когда то, что является истинным в данный момент времени в определенном представлении, оказывается ложным спустя определенный исторический промежуток времени. Понятно, что математическая логика в данном случае не изменяет своей внутренней исторической последовательности идей развития, однако понимание материи и мира, в целом, как показывает исторический опыт, постоянно кардинально изменяется именно с точки зрения разумной действительности его метафизического понимания.

Рассматривая время как метафизическую границу мира, мы должны понимать, что разум в оценке исторических событий должен оперировать достаточно большими промежутками исторического времени, сотнями тысяч лет и даже миллионами лет, как минимум. Уже здесь мы сталкиваемся с тем фактом, что научная теория биологической эволюции с ее теорией происхождения человека оценивается современным разумом как наивный материалистический миф. Конечно, оперировать научными данными более предпочтительно, чем рассуждать в пределах представлений о богах и ангелах, как это имеет место в религиозном сознании. Однако эффективность подобных рассудочных операций научной мысли может полагаться разумной только при условии, если она не замыкается в этих представлениях в качестве ограниченности дей-

ствия абстрактного рассудка перед сложной картиной разумной действительности. И действительно, в наше время, когда стали появляться различные артефакты, указывающие на альтернативное понимание мировой истории, биологическая теория эволюции, с ее представлением о происхождении человека, стала таким же мифом, как и миф о сотворении человека могуществом Творца, с которым так упорно боролась культура Просвещения. И если в наше время пока еще отсутствует какая-то альтернативная научная версия происхождения человека, – это еще не значит, что нужно верить исключительно в мифологическое знание, которое навязывает сознанию человека научный материализм представлений. Ведь прогрессивность появления биологической теории происхождения человека была актуальна лишь в свое время, тогда как в наше время, когда научное знание ушло далеко вперед, она перешла в область такой же догмы, которой перед ней являлась догма о сотворении человека Богом.

Мы утверждаем, что эволюционная теория происхождения человека не только не является в наше время «прогрессивной», но и выражает реакционность по отношению к разумному пониманию миру, хотя в свое время, безусловно, эта теория была определенной авангардной позицией разума. Впрочем, в пределах своих представлений как непротиворечивая система ценностей научной культуры, она, конечно, может существовать достаточно длительное время. Но ценность какого-то научного знания определяется не его вкладом в возможностях держать в своей мифологической власти как можно больше людей, а в том, чтобы охватывать понимание мира в его максимальной рациональной сложности. Так, эта теория вполне достаточна, чтобы описывать происхождение низших слоев человеческой психики, которые, вполне возможно, возникли и функционируют в качестве животных влечений. Однако для понимания высшей психики человека, которая не может быть описана

в пределах знакомых представлений, эта научная теория явно не годится. Здесь мы должны понимать, что сама структура представления в качестве коммуникационной системы взаимодействия человека с миром или с другим человеком, является исключительно рассудочно-абстрактной системой коммуникаций, выражая ценности, которые доминируют в определенную историческую эпоху в какой-то локальной культуре на ограниченном промежутке исторического времени. Математический же аппарат логической абстрактной мысли постоянно «шлифует» эти представления в качестве их коммуникационной системы. Именно здесь возникает важнейший вопрос: а существует ли то, что нельзя представить, но обладает исключительной ценностью для жизни человека? В этом смысле, одним из важнейших метафизических вопросов классической философии был вопрос о существовании Бога, сотворившего мир и человека. Собственно, из задачи познания метафизической воли Творца и возникла научная западноевропейская метафизика, дав начала современной науке.

Когда мы размышляем над научными ценностями эпохи Просвещения, которые вытеснили религиозные ценности из сознания народов, то можем заметить, что с некоторого момента времени их действие стало напоминать действие самих религиозных представлений в сознании человека. Это подобие, или фрактальная последовательность исторических событий, показывает, что отработанные идеи, какой бы мерой прогрессивности они не обладали, постепенно становятся реакционными по отношению к разумному пониманию мира. В попытке сохранить свою власть над образом жизни человека, они постепенно превращаются в миф, который начинает противопоставлять себя разуму. Так было, например, в истории христианского мира, когда инквизиция начала жестко искоренять инакомыслие, вплоть до физического уничтожения человека. Но современные методы «инквизиции» массовой псевдоциви-

лизации действуют значительно более коварно. Они ведут атаку на полноценную психику человека, когда подвергают сомнению его психическое здоровье, отказывая ему в наличии у него разума, если он сомневается в разумности ее догматических представлений о мире. В результате, «разумное» в этой мифологической системе представлений должно необходимым образом быть «научным», как в свое время любая мысль христианского или исламского мира должна была быть обоснована с позиции Библии или Корана. Что же происходит? Почему то, что еще два-три столетия назад, являясь авангардным знанием разумного понимания мира, через некоторое время становится чем-то крайне поверхностным по отношению к разуму? Мы находим объяснение этому в том, что любая система ценностей, до определенного момента времени поддерживающая внутреннюю основу функционирования цивилизации, постепенно превращается в миф, поскольку острота ее противоречий постепенно сглаживается, вследствие чего импульсы воли к власти постепенно сменяются энергией животных влечений.

Может ли наука быть реакционной по отношению к разуму? Как мы видим, в качестве жесткой системы догматических представлений о материалистическом представлении о мире, конечно, может. Последнее, обусловлено тем, что эмпирическая философия, которая является основой современной торгово-промышленной активности псевдоцивилизации, собственно, активна именно за счет действия этих догматических материалистических представлений о мире. Утверждение, что мир имеет только материалистическую природу, является фундаментальным для современной псевдоцивилизации, исключаяющей в себе существование рациональных коммуникаций, поскольку рациональные коммуникации требуют присутствия в себе высшей психической энергии человека, то есть какой-то духовной организации психики, указывающий за взаимосвязь с метафизическим миром. Понятно, что после погрома над ре-

лигиозными представлениями, которые произвела наука Просвещения, прогрессивные ценности знаний науки постепенно заняли то место, которое занимала религиозная система ценностей. В результате, можно наблюдать фрактальный процесс развития мировой цивилизации, когда система ценностей, выступающая в определенный момент чем-то прогрессивным, с точки зрения разумного познания мира, спустя некоторое время становится, наоборот, уже чем-то реакционным, если оценить эти представления с позиции разума. Подобный процесс – переход новейшего комплекса идей развития мировой цивилизации в область мифологии массовых представлений, как мы видим, характеризует опыт развития всей мировой истории.

* * *

Какой основной критерий отличия между существованием цивилизации и псевдоцивилизации? Мы утверждаем, что он выражается в наличии или отсутствии рациональных коммуникаций между людьми. И здесь мы должны отбросить примитивный миф о том, что только научное знание является критерием этих коммуникаций. Наука – это всего лишь средство познания мира, но почему мы должны полагать, что этот критерий является мерой абсолютной истины? Абсолютный авторитет научного знания стал такой же мифологией человеческой жизни, как и авторитет религии тысячу лет назад. И как тысячу лет назад разум должен был опираться исключительно на истины откровения монотеистических религий, так и в наше время он необходимым образом должен опираться на авторитет науки. Что это? Почему разумное в наше время должно быть обязательно научным? А разве истинное не может существовать в чем-то другом? Например, в искусстве. Но проблема состоит в том, что искусство, как необходимое условие существования

полноценной человеческой жизни, практически ликвидировано в современной реальности псевдоцивилизации. Здесь мы обнаруживаем тот феномен, который характеризовал процессы развития мировой цивилизации тысячу лет назад в европейской истории, когда после исчезновения античной модели цивилизации именно наука была почти полностью ликвидирована, поскольку мешала распространению и укреплению христианской веры, и убеждению, что разумное может быть только в библейских истинах. И как тысячу лет назад наука была практически полностью изгнана из непосредственной жизни человека, так и в наше время искусство практически перестало существовать в процессах функционирования современной псевдоцивилизации. Понятно, что в «подполье», конечно, наука существовала в Темные Века и Средневековье в Западной Европе, как и в наше время «искусство» в качестве фальсификации его подлинной разумной сущности тоже существует.

Проанализируем причину: почему именно искусство ликвидировано в современной жизни массового человека в функционировании современной псевдоцивилизации? Чтобы понять этот исторический феномен, мы должны произвести его фрактальное сравнение с аналогичным феноменом, когда именно наука подверглась изгнанию в Темных Веках Западной Европы тысячу лет назад. Здесь есть несомненное подобие не только в процессе подавления одной системы ценностей диктатурой другой системой ценностей, но и в историческом факте процесса строительства народами собственной модели цивилизации, до определенного момента находившихся на ее периферии до событий расовой катастрофы. Мы имеем ввиду, возникновение западноевропейской модели цивилизации на развалинах цивилизации греко-римской. Понятно, что фрактальное понимание мировой истории, при попытке рассматривать историю не в качестве разумного процесса последовательности событий, а в качестве абстрактно рассудочного понимания, стано-

вится чем-то линейным, как, собственно, и фрактальная структура на достаточно большом расстоянии воспринимается как линия определенного топологического рисунка реальности. Мы полагаем, что ликвидация полноценного феномена искусства в современной массовой культуре связана именно с этой попыткой везде насаждать мифологию той социальной жизни массовых ценностей, в которой абстрактное, а не разумное, понимание действительности, по существу, исключает существование рациональных коммуникаций между людьми.

* * *

Когда мы рассуждаем о фрактальной последовательности исторических событий, то должны понимать, что в эпоху исчезновения рациональных коммуникаций между людьми, неизбежно возникают различные догматические представления о реальности. Одной из таких догматических научных систем является представление о происхождении человека в процессе биологической эволюции естественным путем. Этот «естественный» путь, как известно, предполагает, что мир является исключительно материальным, тогда как рассуждения о какой-то действительности духа является лишь мифологией наивных представлений наших предков. Однако, учитывая, что догматическому представлению о единственности существования материального мира не так много времени, не более одного-двух столетий, должно быть очевидно, что и оно обречено исчезнуть в будущем в процессе развития мировой цивилизации. Другое дело, что и природа духа должна быть кардинально переосмыслена.

Размышляя над природой духовной организации человеческой души, мы, в первую очередь, должны понимать, что это такая энергия человеческой психики, которая взаимосвязана с чем-то экстремальным для существования человека. И дей-

ствительно, практически весь опыт непосредственной жизни человека указывает на то, что он подчинен чему-то биологическому, где сфера культуры обусловлена ценностями его естественной потребности – жить. Собственно, и логика культуры такова, что способна оперировать ценностью только как какой-то непротиворечивой оценкой, поскольку иначе возникает напряжение между естественным существом человека и чем-то неестественным для его естественного восприятия. Например, такое напряжение возникло в истории мировой цивилизации в момент перехода от язычества – к ценностям монотеистических религий, когда традиционная вера в богов постепенно вытеснялась верой в единого бога. На этот исторический момент существуют две кардинально различные оценки. Одна, религиозная, утверждает, что одна религия, ложная, сменилась другой религией, истинной. Другая, научная позиция, утверждает, что все это лишь предрассудки наших «наивных» предков, которые не обладали всем тем объемом научного понимания мира, которым обладает современное материалистическое представление. Но с позиции рациональной философии, эта историческая ситуация выглядит по-другому. Она выражается в том, что в оценке фрактальной системы исторических координат слом одной глобальной модели развития мировой цивилизации и появление принципиально новой ее модели происходит в системе фрактального подобия. Так, первоначально, объявляется ложной традиционная система представлений, сформированная в течении веков, когда ей на смену приходит кардинальное новое понимание мира. И, на этот раз, как можно видеть в мировой истории подверглись разрушению ценности монотеистических религий с позиции новой веры в разум в эпоху Просвещения.

То, что принципиально отличает нашу систему ценностей от веры в разум, которая базируется исключительно на научном знании, так это задача – ограничить возможности науки

там, где конечные человеческие представления оказываются ограниченными в силу максимальной сложности рационального понимания метафизического мира. А ограниченными эти научные представления оказываются в области, которая взаимосвязана с метафизическим пониманием времени. Здесь следует заметить, что ближайшим «человеческим» ощущением к метафизическому чувству времени является подсознательный инстинкт смерти человека. Так, человек не знает, что будет после его смерти, но при этом ясно осознает, что жизни уже не будет. Именно здесь важнейшим моментом является то, что принято называть «памятью предков», или силой воздействия полноценного наследия традиции. Расовая память указывает на высшую систему ценностей в самой сложной жизненной ситуации, в которой сознанию не хватает непосредственного жизненного опыта. Таким образом, мы должны отчетливо различать: память непосредственного образа жизни человека и память, которая выходит за пределы его жизненного опыта. В первом случае, как мы утверждаем, речь идет о функции действия его массового бессознательного, во втором случае, о расовой памяти или высшей сферы бессознательного. Функции действия массового бессознательного человеческой психики достаточно глубоко исследовал психоанализ, поэтому мы к нему не обращаемся, когда речь идет о метафизическом мире. Нас должны интересовать высшие свойства памяти, которые «включаются» в критический момент человеческой жизни. Еще два-три столетия назад эти высшие функции психики относились к соприкосновению к воле Творца, изучением которой занималась классическая западноевропейская метафизика, из которой развились все современные достижения фундаментальной науки. Однако история развития метафизики не стоит на месте, как и научная мысль. После известной мысли Ницше о «смерти Бога», началась кардинально новая история метафизики рациональной мысли, то есть поиск адекватной метафизики

зической меры понимания мира. В понимании этой известной идеи Ницше многие оценили это как попытку максимального удара по религиозной системе ценностей, хотя мы полагаем, что речь в действительности идет о другом. То, что Ницше длительное время сражался с христианскими ценностями жизни, нам напоминает известный образ Дон-Кихота, сражающегося с ветряными мельницами. По существу, умер сам Ницше, а не Бог, когда вера в единого Бога жива в сердцах сотен миллионов людей. Но с позиции разума, главный удар этой идеи в действительности был направлен не против религиозной системы ценностей, а против рационального фундамента метафизики, на основании которой строилась классическая философия западноевропейской мысли последних веков. Так, классические метафизические исследования воли Творца, которые пронизывали западноевропейскую рациональную философскую мысль, в наше время отброшены на уровень поверхностных представлений абстрактного научного рассудка, который потерял всякую взаимосвязь с метафизическим миром. То, что принято называть «философией» в наше время во фрактальной системе исторических координат, подобно существованию ее ничтожных остатков в Темных Веках начала становления христианской цивилизации, когда любая мысль требовала отчетливой ссылки на библейское откровение, поскольку, в противном случае, была еретической и, как следствие, полностью отвергалась. Наше время демонстрирует аналогичный процесс. Мы видим, что наше время требует такой же ссылки на научное обоснование, в противном случае, суждение подвергается суровому ostracismu как «неразумное».

В вопросе понимания подлинной, а не мифологической сущности, рациональной природы духа, который отображает взаимосвязь подсознательного инстинкта смерти человека с его высшими слоями психики, мы должны указать на оружие массового уничтожения, которое выражает действительность

отрицания массовой псевдоцивилизации. Речь идет о том, что опасность тотальной ядерной войны, в которой может исчезнуть огромная часть человечества, и есть непосредственное присутствие духа времени в повседневной жизни человека. Так, дух – это то, что отрицает биологическое существо человека перед исторической необходимостью дальнейшего изучения разумной природы мира. Другими словами, духовное должно быть деятельным, оно должно выражать действительность разумных политических сил мировой истории. В этом смысле, оружие массового уничтожения и есть та воля мирового духа, которая показывает, что история мировой цивилизации подошла к роковой черте, за которой скрывается глобальный поворот мировой истории к чему-то кардинально новому, в понимании чего у человека пока еще почти полностью отсутствует какой-то рациональный подход. Понятно, что в контексте рациональной, а не мифологической, природы духа, мы возвращаемся к необходимости переосмыслить расовое происхождение человека за пределами гипотезы о его биологической эволюции, оставляя последней право на существование в сфере массового сознания. Мы видим, что, конечно, массовое бессознательное и его отображение – массовое общество, существуют в полной мере в системе ценностей чисто материалистического представления о научной природе мира, однако это еще не доказательство того, что природа человека состоит только из материи, а коммуникации между людьми могут быть только массовыми.

Если искать рациональные, а не абстрактно научные, чисто эмпирические представления о происхождении *homo sapiens*, то мы должны понять, что метафизическое – это не эмпирическое в принципе. По самой своей сути, метафизическое – это то, что, существуя за пределами эмпирического мира, тем не менее, определяет существование человека тотально. Поэтому рациональное понимание природы духа должно соответство-

вать этой основе, чем, в нашем понимании, может быть только метафизическая сущность времени. Понятно, что время как метафизическая граница мира, так или иначе, обсуждалось в наиболее значительных философских исследованиях, например, у Гуссерля и Хайдеггера, однако все-таки непосредственно философское составляющая здесь была минимальной. У Гуссерля была попытка свести метафизическую сущность времени к чисто научному пониманию, а у Хайдеггера – к мифологическому мышлению. Однако оба этих подхода: чисто научный и мифологический в полной мере уже включены в массовое сознание человека. Ведь очевидно, что метафизическое понимание времени на рациональном уровне требует акцента на преимущественно философской основе мысли, которая демонстрирует не влияние научных методов в способности рассудочных суждений человека, и не мифологическое «очарование» его воздействия в непосредственном образе жизни человека.

* * *

В необходимости акцента на чисто философском понимании метафизической сущности времени, мы исходим из двух очевидных фактов. Первый момент состоит в том, что, во-первых, вопрос о метафизической сущности времени был косвенно поставлен в угасающей философской мысли западноевропейской школы, а во-вторых, что в российской школе мысли, в силу отсутствия здесь вообще какой-то рациональной школы, он вообще не ставился. Да, конечно, здесь имела место многочисленная болтовня о времени, которая пыталась и пытается выдавать себя за «философию», но рационального содержания эта болтовня к метафизической сущности времени отношения никакого не имеет. Максимально на что может претендовать эта болтовня, так это на мифологию бытового

понимания, то есть такого понимания, в котором потребность не касаться разумного содержания в принципе является прерогативой подобного рода мысли. В российской мысли то, что называется «философией», вообще никогда не выходило за пределы какой-то бытовой социальной мифологии.

Для того, чтобы найти какой-то рациональный подход в понимании метафизической природы времени, мы должны связать этот подход с предшествующей нам рациональной традицией мысли. Так, философия, как и наука и искусство, развиваются последовательно: от одного комплекса идей – к другому комплексу. Причем, как мы видим, философская рациональная мысль метафизического понимания мира строит свои идеи на том предмете веры «прогрессивного» знания о мире, которое постепенно становится мифологическим в силу того, что любая вера неизбежно переходит в мифологический мир представлений. Например, западноевропейская школа рациональной мысли Нового времени строила свою философскую школу на вере в разум, как аналогичным образом, начиналось строительство «прогрессивного» понимания метафизического мира тысячу лет назад на вере в единого Бога, которое, растворившись в массовом сознании, постепенно стало мифологическим. Здесь, конечно, необходимо понимать, что любая цивилизационная модель в истории строится не столько на вере, сколько, наоборот, на ее преодолении с целью понимания неизбежно усложняющегося восприятия мира в процессе постоянного усложнения научного знания. Поэтому, если эпоха Просвещения утвердила в своих ценностях веру в разум, то задачей философской школы мысли, вытекающей из этой веры, было ее преодоление на каких-то принципиально новых идеях развития мировой цивилизации.

Производя фрактальное сравнение Темных Веков нашего времени и аналогичных Темных Веков Западной Европы тысячу лет назад на границе со Средневековьем, мы обнаруживаем,

что цивилизационная модель западноевропейской цивилизации, вступившей в наше время в стадию псевдоцивилизации, начиналась именно с критического отношения философской мысли к вере, когда западноевропейские схоласты перестали интересоваться арабской и еврейской философией, демонстрирующей исключительно каноническое отношение к монотеистическим заповедям пророков, постепенно переходя к изучению классического философского наследия др. греков. Этот перелом произошел в силу того, что вера, конечно, связывает людей в каком-то эмоциональном порыве на коротком историческом периоде, но для существования самостоятельной модели цивилизации необходимы не эмоции, а методическое действие разумной воли, которое требует какого-то разумного понимания метафизики мира. Мы же наблюдаем в наше время, что наукообразный характер мысли, исчерпав метафизическую базу, на которой строилась западноевропейская наука, стал лишь научно-техническим прогрессом, где фундаментальной науки практически не осталось. Но такова судьба любой веры в истории мировой цивилизации, когда ее существо, перейдя в массовое сознание, становится чем-то догматическим. Когда вера приобретает массовый характер, то ее воздействие в жизни человека начинает выражать репрессивный характер, поскольку попытки контролировать все сферы человеческой жизни, в конечном счете, приводит к неспособности рационально мыслить. В этом состоит основное противоречие между культурой и цивилизацией, когда культура стремится к разрушению всех преград между людьми, то есть к формированию массовой психологии человека, а цивилизация, наоборот, устанавливает иерархию между ними, постоянно разрушая эту непосредственность массовых коммуникаций. Поэтому лозунги «свободы, равенства и братства» периодически возникают в мировой истории в тот момент, когда определенная модель мировой цивилизации исчерпывается

и начинается процесс расовой катастрофы, то есть процесс катастрофического исчезновения рациональных коммуникаций между людьми, в результате чего и возникает феномен псевдоцивилизации. С другой стороны, мы не можем полагать, что рациональная коммуникация – это только мера развития научно-технического прогресса, то есть оставаться в пределах доминирования тех представлений, которые определяют массовые ценности нашего времени. Рациональные коммуникации – это авангард новых идей развития мировой цивилизации, которые производят переоценку ценностей, то есть перестраивают модель цивилизации в соответствии с действием расовой памяти человека как подлинным источником субъективной рациональной меры мира. В этом смысле, например, идеи монотеистических религий были авангардными идеями развития мировой цивилизации на стыке с язычеством, а идеи европейского Просвещения – авангардными на стыке монотеизма и новой веры в разум.

Когда мы размышляем над авангардными идеями развития мировой цивилизации, то должны понимать, что они практически всегда являются еретическими по отношению к традиционным представлениям, которые доминируют в этот момент в массовом сознании людей. Ведь массовое сознание во все исторические времена – это то, что всегда противостоит разумному пониманию мира, а потому процесс переоценки ценностей, есть, по существу, перестройка сознания «времени как образа вечности». Можно даже сказать, что это именно время производит переоценку ценностей сознания человека под воздействием его высших подсознательных процессов психики. Мы утверждаем, что высшие слои психики человека, в которых возникают новейшие идеи развития мировой цивилизации, выражают определенную метафизику духа времени. В определенном смысле, можно сказать, что высшая психика человека и есть отображение непосредственного духа време-

ни в новейших идеях развития мировой цивилизации. С философской точки зрения, речь должна идти о воле к власти, то есть стремлении этих высших слоев психики к реализации новейших идей развития мировой цивилизации. Таким образом, процесс переоценки ценностей, то есть разрушение массовых коммуникаций и возникновения на их месте коммуникаций рациональных, является постоянным в мировой истории, являясь процессом противоречивого сосуществования мировой культуры и мировой цивилизации в мировой истории.

Как же воздействуют высшие слои психики человека на его сознание? И даже более обще: что такое психика с объективно разумной позиции ее понимания? Если оценить все современные психоаналитические теории человеческой психики, опирающиеся на какие-то научные методы, то можно заметить, что они не выходят за пределы анализа массового бессознательного, которое, как мы полагаем, в наибольшей степени описывается психоаналитической теорией Фрейда. Но главное, что характеризует все эти теории, – это чисто материалистический подход. Но чисто материалистический подход в понимании психики исключает ее метафизическое понимание, а потому не касается рациональной психологии человека. Мы утверждаем, что рациональная психология человека существует только тогда, когда существует какая-то отчетливая метафизическая мера мира. И если последней такой метафизической мерой было рациональная мера «нуль», или философия нигилизма Ницше, то объективно, рациональная новейшая метафизическая мера есть онтологическая сущность времени. Почему именно – время является метафизической мерой мира? Для осознания этого утверждения достаточно понимать, что течение онтологической сущности времени, используя известное суждение Платона о том, что «время – это подвижный образ вечности», существовало до рождения человека и будет существовать после его смерти, то есть это такая мера, которая, на некотором промежутке времени открывается для индивидуаль-

ного сознания человека как полнота мира, а затем сворачивается в момент смерти. Используя несколько пафосное выражение, можно сказать, что время: было, есть и будет, хотя материальный аспект его присутствия в жизни человека минимален. Но именно здесь и возникает основное противоречие в понимании его метафизической сущности, поскольку время невозможно представить, оно не представляемо в принципе для конечного человеческого рассудка, хотя, конечно, различные научные модели его понимания вполне возможны, упрощая эту метафизическую меру до чего-то «человеческого», прежде всего, конечно, научно понимаемого. Здесь мы имеем фрактальную аналогию с пониманием метафизической сущности Бога, которая, как основная метафизическая мера, определяла существования мировой цивилизации на протяжении всего ее развития.

ГЛ. 2

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ РАЗУМНОГО ПОНИМАНИЯ

*Противоречие есть корень всякого движения
и жизненности...*

Гегель

Понятно, что существуют ценности, которые можно определять, как «бытовые», то есть используемые в качестве чего-то повседневного в сознании человека. Сюда относятся: его каждодневный труд, непрерывные социальные коммуникации, то есть, вообще говоря, ценности, которые определяются под-

сознательным инстинктом самосохранения человека. Характер этих ценностей и создает традиционные представления массового сознания о мире, которые выражают две низшие познавательные способности человека: непосредственные чувственные восприятия и аналитические возможности рассудка. Особенность этих двух низших познавательных способностей выражается в том, что они не конфликтуют друг с другом, поскольку создают определенное поле исторической культуры, в которой существует человек. Другое дело, познавательные способности разума. В отличие от двух низших познавательных способностей человека: непосредственного чувственного восприятия и аналитического рассудка, разум всегда существует в состоянии конфликта с ними, поскольку его возможности взаимосвязаны с метафизическим пониманием мира. Так, мы должны понимать, что разум и существует, собственно, только тогда, когда каким-то образом взаимосвязан с определенной мерой метафизического мира. Из этой меры он и формирует свои позиции в понимании разумной действительности. В нашем понимании, если непосредственное чувственное восприятие и аналитический рассудок определены в поле мировой культуры, то разум определен в поле существования мировой цивилизации, поэтому конфликт между ценностями культуры и ценностями цивилизации пронизывает всю мировую историю.

Почему в отличие от непротиворечивости аналитических возможностей рассудка, разум, собственно, только и существует как нечто противоречивое в самом рациональном мышлении? Подобные позиции разума известны давно, начиная с противоречивости суждений философии Гераклита и, особенно, философии Гегеля. Причем, если у Гераклита они выступают в качестве особенности Логоса как взаимосвязи рациональных коммуникаций в возможностях человеческого языка, то у Гегеля они приобретают попытку научного обоснования ра-

циональных коммуникаций как системы действия понимания разумной действительности процессов развития мировой цивилизации. Мы видим главную причину этой особенности разумного понимания мира как действия непосредственного противоречия рационального мышления, что своей существенной частью оно находится во власти метафизического мира, который в принципе не может быть сведен к чему-то «человеческому» как определенному представлению. Именно поэтому разум всегда воздействует разрушительно на любую традиционную систему ценностей, что его существование не представляемо в принципе, поскольку метафизический мир не представляем. Но что, в метафизическом смысле, способно разрушать традиционные представления о мире в истории и разрушает их? Мы видим, что это может быть только одно, – время. Так, мы видим, что именно время стерло языческие цивилизации, нанесло сокрушительный удар по всем монотеистическим религиям в последний век, а в последние десятилетия разрушило основание эпохи Просвещения, – веру в разум. Таким образом, именно время, в историческом смысле, является той метафизической силой, которая постоянно присутствовало в мировой истории, утверждая одни ценности и уничтожая другие. Однако вопрос с утратой веры в разум, который характеризует наше время, не так прост. В действительности, пошатнулось лишь основание разума – научное абстрактное представление, когда история фундаментальной науки, по существу, упростилась до истории научно-технического прогресса. С философской точки зрения, речь идет о том, что история наивной веры в разум закончилась и началась история новейшей модели мировой цивилизации. Ведь наивная вера всегда учит об определенном стремлении человека к «счастью», когда чувствующая душа, пылающая этой верой, не видит действительности разумного мира. Вера, как проявление любой культуры, всегда прямолинейна, будучи ограничена той системой представлений о мире, которая

стихийно и, можно сказать, хаотично возникает в первый момент своего утверждения, являясь эклектикой разнородных ценностей, главный критерий которых – максимальное упрощение для восприятия массового сознания. А фрактальное мышление – это неизбежный ответ разума на историческую ситуацию, в которой возникает необходимость осмыслить основание исторических событий в контексте не абстрактных ценностей веры, а в результате сравнения с высшими историческими ценностями прошлого. Так, вера начинает переходить в процессы цивилизации, когда она начинает воздействовать на сознание человека не только на уровне абстрактных представлений о мире, но и в глубинах его подсознания, то есть занимает его высшие центры психики, в результате чего и формируются основы рациональной психологии человека.

* * *

Одним из важнейших вопросов в понимании новейшей метафизической меры, обусловленной онтологией времени, является вопрос: является ли фрактальное мышление чем-то абстрактным в чисто научном понимании математической модели или это есть созерцание художественного мира как целого? Ведь чтобы выделить какой-то фрактальный рисунок из восприятия целого, необходимо это целое схватывать по его границам, то есть вырывать из онтологического потока времени как определенный объект. При этом объект, субъективно, мыслится настолько, насколько созерцание его во времени сохраняет эти границы в движении его подсознательного образа, а по существу, с чем-то идентифицируется в глубинах памяти как первообразом. Здесь мы рассуждаем о глубинах расовой памяти, а не привычной «человеческой» памяти, поскольку в привычной человеческой памяти практически все имеет свою «человеческую» цену, становясь своеобразным «товаром» или

«товарооборотом» в социальных связях современной псевдоцивилизации. Так, «товарообмен» в системе социальных ценностей характеризует ту мифологию человеческих представлений, которая доминирует в сознании людей в определенную историческую эпоху. Другими словами, социум в любое историческое время выражает непрерывный товарообмен «человеческими» ценностями, выстраиваемые в системе иерархии, отображающей что-то привычное и традиционное в человеческих представлениях. Например, на границе между Темными Веками и Средневековьем, которая характеризует фрактальный перелом между языческим миром и монотеистическими религиями, такой «человеческой» иерархией была идея о существовании единого Бога, а в наше время: между Темными Веками и Средневековьем, этой идеей является система научного знания. Основная черта подобного «товарообмена» характеризуется чем-то тождественно равным, за счет чего, собственно, и существует традиционная система ценностей. Любая традиционная система ценностей стремится к тому, чтобы минимизировать границу между людьми, сделать людей более «близкими», тем самым создавая максимально эффективную массовую систему коммуникаций. Но подобный процесс имеет и обратную сторону. Он, в конечном счете, приводит к тому, что любая система традиционных ценностей начинает быть настолько «сглаженной» от каких-то противоречий, что неизбежно деформируется в определенную мифологию представлений. Так произошло с судьбой монотеистических религий и, аналогичным образом, происходит с историей веры в разум. Мы видим, что вера в разум, возникнув в культуре эпохи Просвещения, в наше время деформировалась в новейшую мифологию коммуникационных связей псевдоцивилизации, став чем-то подобным монотеистическим религиям в период их тотального доминирования в представлениях человека о мире. Эта деформация стала следствием постоянного сглаживания

противоречий разумного понимания мира, которое характеризовало присутствие человека в мировой истории, поскольку мировая история выражает активность духовной организации психических процессов человека, возбуждая активность его разумной воли. Выпадение из процессов мировой истории, по существу, стало приговором западноевропейской модели развития цивилизации, когда ее реальность в наше время перешла в стадию существования псевдоцивилизации.

Если мы сравним идею высшей ценности, или рациональной оценки, с идеей тождественного равенства абстрактной мысли, то поймем, что первое есть всегда что-то минимальное или максимальное, существующее по границе оцениваемого предмета, сохраняющее его действительность. И, наоборот, тождественное равенство – это всегда лишь абстрактное представление о предмете, его конечная реальность. Причем, чем более абстрактно это представление, тем более примитивно понимание реальности, стремясь полностью слиться с чем-то мифологическим, то есть таким знанием, которое ограничено предпосылкой определенного представления, например, религиозного или научного представления. Так, предмет в различных предпосылках представлений может мыслиться кардинально различно, например, в тех же предпосылках религиозного и научного понимания мира. В этом смысле, мы видим, что рациональная философия всегда фрактализирует противостоящие ей абстрактные представления о мире, чтобы вовлечь судьбу человека в разумную действительность, где границы мира растворяются в метафизическом начале бытия.

Как известно, наука логики рациональной философии у Гегеля заканчивается на учении о понятии. Мы же полагаем, что переход предмета рациональной философии к структуре ценности выражает фрактальный разлом границы культуры и цивилизации в историческом пространстве нашего времени. Так, если пространство культуры и цивилизации совпадает, то

границы между материальным и духовным почти полностью исчезают, примером чего является диалектика рационального мышления Гегеля. Но если историческое время таково, что тонкая «кожа» культуры слезает с процессов развития цивилизации, то выявляется та разрушительная «бездна», которая характеризует действие глубин подсознания высшей психики человека. Причем, эти глубины подсознания не относятся к массовому бессознательному, которое выражает максимально приближенные к культуре слои психических реакций.

Почему современное сознание человека в большей мере имеет дело с ценностью, а не с каким-то конечным пониманием предмета, можно понять только исходя из реальности исторических событий, где тонкая «кожа» представлений культуры настолько утончилась, что только миф стал повседневностью абстрактных знаний о мире. Эта тонкая «кожа» коммуникационных связей современной псевдоцивилизации концентрируется в массовой культуре, образуя топологическую конструкцию абстрактных ценностей рассудка, которые действуют на уровне человеческих представлений, постепенно исключая из себя любую метафизическую меру. Здесь мы должны понимать, что массовая культура существует столько, сколько существует история человечества, характеризуя низшие психические процессы подсознания, связанные с соматическими функциями человеческого организма. Другое дело, что мировая цивилизация разрушает связи массовой культуры, что, собственно, и определяет процесс развития мировой истории. Процесс разрушения характеризуется переоценкой ценностей, то есть появлением новых противоречий человеческой жизни, которые выходят за пределы «человеческого» понимания мира. Ценность отличает от понятия то, что ценность постоянно концентрируется на границе постигнутого в рассудке и того, что неспособно постигнуть человеческое представление.

Можно наблюдать, что в системе любых «человеческих» представлений образуются достаточно большие разрывы в понимании мира, когда эти представления перестают удовлетворять его разумному пониманию. Последнее, конечно, связано с постоянно усложняющимся уровнем знаний современной науки, но характер постоянного усложнения абстрактного уровня этого знания является прямым следствием также переоценки ценностей, то есть расширения границы «человеческого» и метафизического мира. В этом смысле, непротиворечиво рассуждать на основании логических умозаключений рассудка – это еще не значит, обладать разумом, поскольку чтобы это условие выполнялось, ценности культуры и ценности цивилизации должны совпадать. Но ценности культуры и цивилизации совпадают только тогда, когда между людьми существуют рациональные коммуникации, то есть при условии какой-то высшей метафизической меры, в которой противоречия жизни снимаются. Когда же рациональные коммуникации разрушаются, движение рассудочных конструкций человеческих представлений продолжает свое круговое движение по знакомым схемам, которые уже не выражают что-то разумное, а лишь конструируют массовые коммуникации в качестве взаимосвязи людей на основании низших ценностей. В данном случае, деление на высшие и низшие ценности необходимо, чтобы отделить разумное – от абстрактно рассудочного, то есть задача, которую в свое время решал Сократ, отделяя абстракции софистов от полноценной мысли, а в новейшей истории – Ницше, отделяя веру в разум от его действительной исторической сущности.

Что же характеризует этот постоянный разлом, дробление между ценностями культуры и ценностями цивилизации, когда они: то отождествляются, то расходятся по различным полюсам? Мы полагаем, что речь должна идти об онтологическом потоке времени, который определяет метафизическую границу в качестве границы ценностей, которыми люди жили

в прошлом, и новейшими ценностями, которые формируются как непосредственное отображение духа времени в настоящем, указывая на отдаленные перспективы будущего. Собственно, это и есть фрактальная система координат, когда при удалении от разумного понимания мира, рассудочное суждение оперирует лишь «прямой линией» своего представления, которое ограничено определенной предпосылкой того уровня культуры, в которой эта рассудочная мысль возникла и развивалась. Эта «прямая линия» и есть тот комплекс идей, который характеризует любую традицию культуры. Здесь, безусловно, все ценности культуры равноценны, будь то мифология представлений о мире какого-то полупервобытного племени или мифологии представлений современного научного знания в развитии научно-технического прогресса. В этом смысле, современная научная антропология, исследуя первобытное мышление, вполне справедливо указывает на равноправие рассудочных представлений в массовой культуре. В культуре, это мы должны понимать, всегда существует демократия ценностей, тогда как в цивилизации, наоборот, существует их иерархия, причем иерархия по отношению к метафизической границе между людьми.

Если рассудочная категория всегда оперирует умозаключением как чем-то непротиворечивым, что присутствует в представлении в качестве единства воспринимаемого и анализируемого предмета, то разумная ценность лишена этого свойства целостности, поскольку в ней всегда существует разрыв: между прообразом метафизической меры и предметом понимания. Но главное, что характеризует действительность метафизической меры, – это то, что она воздействует на жизнь человека из глубин его подсознания. Например, постоянное упоминание о том, что Бог существует в глубинах человеческой души, в религиозных представлениях было не случайно, когда высшая

метафизическая мера постоянно воздействовала на высшие слои психики человека из глубин его памяти.

Не трудно заметить, что «человеческие» ценности переходят в определенный «товарооборот» массовых коммуникаций, когда метафизическая мера, наполняющая их каким-то разумным смыслом, исчерпывается. Это и произошло с современной наукой. Она полностью исчерпала свое метафизическое основание, связанное с постижением метафизической сущности творения, которое лежало в философских началах трудов ее первых ученых-метафизиков. Современная наука изучает лишь свойства материи, которые вполне описываются возможностями абстрактных представлений рассудка. А поскольку чисто материалистический подход в современных научных методах исключает активность высших психических процессов подсознания, связанных с метафизическим сознанием происхождения человека и мира, то мы наблюдаем, что все представления современной науки оказались в логическом тупике, с точки зрения разумного понимания мира.

Деление ценностей: на низшие и высшие предполагает, что низшие ценности всегда участвуют в товарообороте конечных человеческих представлений о мире, а потому имеют свою конкретную цену. Речь идет о семейных, государственных, религиозных или каких-то других ценностях, которые человек привык использовать в своей непосредственной жизни столетиями. И только высшие ценности не могут иметь «человеческой» цены, поскольку оцениваемое в высшей ценности имеет метафизическое происхождение. Здесь мы должны понимать, что периодический процесс переоценки ценностей, сопровождающийся разрушением старых моделей цивилизаций и появлением новых моделей, связан именно с расхождением на различные полюса ценностей культуры и ценностей цивилизации. При этом ценности культуры продолжают крутиться «по кругу» знакомых представлений о мире, плодя разнообразную

информацию в пределах известного. Например, так крутились представления в пределах ценностей монотеистических религий, как, аналогичным образом, «крутятся» абстрактные представления современной экспериментальной науки. Примером подобного «круговращения» ценностей религиозной веры монотеизма можно наблюдать во многих восточных странах в наше время и в значительно меньшей степени в европейском мире. Для нас же, в данном случае, важно понимать, что ценности цивилизации всегда присутствуют в каком-то авангардном комплексе идей, где процесс переоценки ценностей, то есть соотношение разума с метафизической границей мира, является определяющим. В этом смысле, можно сказать, что разум всегда разрушает тождество субъективности и объективности рассудочного знания, внося в него противоречивость оценки, соответствующей действию подлинной метафизической меры. И здесь доказать существование метафизического мира от противного, то есть на основании этого противоречия, мало, необходимо указать на саму метафизическую меру как внутреннюю силу взаимосвязи рациональных коммуникаций между людьми.

Когда мы рассуждаем о метафизическом предмете мысли, то должны понимать, что этот предмет, являясь чем-то, выходящим за пределы непосредственного чувственного восприятия человека, одновременно, тотально определяет его жизнь. Что же сверхчувственным, или метафизическим, является в онтологической сущности времени? Мы полагаем, что наибольшей мерой воздействия на непосредственный образ жизни человека со стороны онтологии времени является подсознательные воспоминания человеческой памяти, которые выходят за пределы его конечного опыта жизни. Причем, самый примитивный подход в представлении о структуре времени как определенной математической длительности, в полной мере активен в современной псевдоцивилизации. Человеческие массы связаны

в массовых ценностях за счет самого примитивного представления о времени, где массовая душа существует за пределами рациональной психологии. Где же тогда может существовать сообщество людей, обладающих рациональной психологией в современной псевдоцивилизации? Мы утверждаем, что нигде. Темные Века не предполагают коммуникационных структур, в которых существует связь между разумными людьми, тогда как человек, у которого разум почти бездействует, всегда довольствуется низшими ценностями своей исторической эпохи, то есть мифологическими ценностями культуры своего исторического времени.

Как же определить существование метафизического мира, если он не доступен непосредственному чувственному восприятию? Единственный метод – это созерцание, которое оперирует образами, которые всплывают в сознании человека только при условии активности в его подсознании высших слоев психики. Но эти слои не могут активизироваться по желанию человека хотя бы потому, что они лишают его сознание взаимосвязи со знакомыми представлениями, заставляя вступать с ними в противоречие, когда крайности противоположных суждений о предмете и выражают, собственно, разумную действительность, «размазывающую» непосредственную реальность.

Почему рациональная мысль всегда противоречива? Ответ на этот вопрос мы должны искать в том, что метафизическая мысль всегда имеет дело с границей: «человеческого» и «сверхчеловеческого», то есть с конечными представлениями, с одной стороны, и тем, что скрыто за пределом границы представлений, с другой. И действительно, все наши представления о времени, с точки зрения возможности их понимания, ограничены теми или иными математическими моделями, то есть не выходят за пределы определенной абстрактной схемы. Границей этой схемы может быть та или иная степень слож-

ности математического аппарата мысли. Но метафизической границей рациональной мысли всегда является максимальная мера понимания, которая сохраняет предмет в сложности всех элементов его целого. В этом смысле, абстрактная научная схема, конечно, тоже вносит свой вклад в понимание предмета метафизической мысли, но лишь настолько, насколько метафизический предмет в этом максимальном упрощении может быть использован в непосредственном быту человеческой жизни. Так было с великой идеей о существовании единого Бога в мировой истории и аналогичный процесс происходит с менее великой идеей о существовании разума. Здесь мы лишь заметим, что в системе высших ценностей великие идеи, объективно, не противостоят друг другу, хотя субъективно часто вступают в непримиримые противоречия.

Любые политические институты в мировой истории возникает с целью – активизировать непосредственный контакт человека с метафизическим миром. Так возникали и формировались религиозные институты языческих и монотеистических религий, и также возникли социальные институты, начиная с эпохи Просвещения, цель которых – представлять себе разум таким, каким он существует в достижениях научно-технического прогресса. Но действительно ли это разум? События, которые происходят в современных социальных структурах псевдоцивилизации показывают, что места, собственно, в массовом обществе, которое возникло из этих институтов, разумному человеку не предусмотрено. Поэтому обвинения, которое европейская эпоха Просвещения предъявляла институту христианской церкви, подавляющей научное знание в эпоху инквизиции, в наше время можно уже предъявить и массовым социальным институтам, а именно то, что эти институты подавляют в человеке всякую возможность восприятия метафизического мира как разумной взаимосвязи с духом мировой истории. Здесь мы наблюдаем то фрактальное подобие истори-

ческих событий, когда, в первом случае, подавлялось научное знание, а во втором случае, подавляется возможность эстетического созерцания мира как одной из важнейших составляющих инструментов познания в жизни человека. Почему в современном европейском мире так жестко подавляется возможность полноценного эстетического созерцания мира, которое способно возвышать душу человека над земным восприятием? Причины этого феномена мы должны искать в том, что именно в феномене искусства наиболее полно отображается онтологическая сущность времени, когда метафизическое в феномене искусства достигает своего максимального приближения к таинству разумного понимания его духа. Чтобы понять, почему именно феномен подлинного искусства, а не религиозная или научная система ценностей наиболее полно выражает воздействие на психику человека духа времени, мы должны обратить внимание, что практически все высшие ценности, которые признаются таковыми всеми людьми в независимости от их национального или расового происхождения, являются предметом искусства. В научных же и религиозных ценностях выражается определенный прагматизм человеческого рассудка, с одной стороны, в необходимости существования какой-то традиционной морали, а с другой, в необходимости коммуникаций через определенную понятную абстрактную меру, выраженную в конкретной научной истине. И лишь феномен искусства лишен этого прагматизма чисто «человеческих» коммуникаций, когда образы великого искусства неизвестно откуда врываются в жизнь человека, пронизывая жизнь дыханием вечности, и также неожиданно исчезают, когда в его сознании ослабевают созерцание их образов.

Если современные достижения науки кажутся просто фантастическими по сравнению со своими достижениями в прошлом мировой цивилизации, то современное искусство, по существу, не просто исчезло, но и стало нечто тем, что про-

тивоположно его подлинной природе. Мы имеем ввиду то, что вместо возвышения человека над текучестью его земной жизни, современное псевдоискусство стремится растворить сознание человека не просто в самом примитивном восприятии реальности, но и, можно сказать, вызвать у человека максимальное отвращение своей демонстрируемой низостью человеческой души. Современное псевдоискусство стремится всеми своими неполноценными образами доказать, что человек есть не более, чем животное, хотя и обладающее определенными техническими навыками и научными знаниями. Чем вызвана эта странная подмена разумной сущности искусства? Мы можем объяснить это только тем, что цивилизация, как система рациональных коммуникаций между людьми, практически исчезла, тогда как культура того, что когда-то еще совсем недавно называлось «цивилизацией», осталась. Вообще, это постоянное: то сближение и отождествление культуры и цивилизации, то их расхождение по различным полюсам, сопровождающееся противоречием их ценностей, пронизывает все события мировой истории, показывая совпадение или глубокое противоречие между ценностями культуры и ценностями цивилизации. И если, например, философия Гегеля в учении о понятии демонстрирует тождественность в противоречивом существовании культуры и цивилизации, то у Ницше ценности культуры и цивилизации расходятся по разным полюсам вследствие необходимости переоценки ценностей. При этом ценностям цивилизации присваивается статус «высших ценностей», где акцент ставится именно на образах великого искусства. При всей эмоциональности философского стиля Ницше, нельзя забывать, что он был философом великой рациональной школы немецкой мысли, а потому его субъективную философскую позицию мы должны оценивать в качестве той меры рационального понимания мира, которая охватывает его новизну в максимальной полноте, но в момент отсутствия

каких-то технических средств выражения, или, в объективном смысле, почти как нулевую возможность средств выражения.

Почему понятие «ценность» вытеснило в возможностях познания мира систему рациональных понятий? Ведь рациональное понятие не как оценка, а как тождество, дает возможность реализовывать полноценные коммуникации между людьми. Ответ на этот вопрос мы должны искать в том, что онтологический поток времени, воздействуя на высшие слои подсознательной психики человека, разрушает знакомые представления о мире, в которых человек существует во власти определенной традиции. Собственно, так развивается мировая цивилизация, тогда как культура, наоборот, создает инерцию распада любых представлений о мире. Так, мы видим, что «человеческие» ценности, выраженные в определенном представлении традиции, всегда непротиворечивы, тогда как высшие ценности, указывая на что-то сверхчеловеческое, высвечивающее историческое будущее, всегда противоречивы, поскольку не поддаются логике абстрактного рассудка.

* * *

Идеи рациональной философии, так как же, как и идеи фундаментальной науки, развиваются последовательности: от одного комплекса ценностей – к другому комплексу ценностей. Например, научная метафизика Нового Времени развилась от комплекса идей схоластической философии Средневековья, когда библейское откровение, будучи проникнуто великим искусством Возрождения, дало начало науке Нового Времени. Так, задача познания воли Творца в научном понимании, постепенно вытеснила авторитет библейского откровения. В результате, метафизическое стало восприниматься не как безусловный авторитет библейских истин, а как безусловный авторитет научного знания. Постепенно, как мы видим, куль-

тура Просвещения построила такие представления о мире, где научная схема, вообще схематизм абстракции научного рассудка, заняли место безусловного авторитета библейских истин. В результате, мы видим, что научная абстракция в ее современном качестве оказалась за пределами разумного понимания действительности, как, аналогичным образом, в свое историческое время схоластическая философия оказалась за пределами разума перед началом эпохи Возрождения. Здесь мы наблюдаем процесс переоценки ценностей, то есть тождество культуры и цивилизации начинает исчезать, их содержание вступает в противоречие друг с другом, в результате чего единые представления о мире начинают разрушаться. Почему возникает это противоречие между ценностями культуры и цивилизации? Мы полагаем, что это вызвано тем, что внутренние механизмы культуры всегда стремятся к созданию какой-то стабильности человеческих коммуникаций, обусловленных определенным опытом представлений. Например, в истории философии таким обобщающим опытом представлений о тождестве культуры и цивилизации является философия Канта, в которой абстрактный рассудок доказывает свои истины в русле аристотелевской логики «от противного», которая, в частности, является и основой доказательств математических суждений. Здесь важен тот факт, что доказанное существование метафизического мира у Канта дает возможность не пытаться проникнуть в этот мир, а выражает лишь понимание на абстрактном уровне, что он существует. Но в объективном рационализме логики Гегеля этого уже оказывается мало. Задача: понять этот метафизический предмет мысли не в-себе, а для-себя, приводит Гегеля к противоречию как критерию истинности полноценного суждения, то есть суждению, которое показывает, что любая устойчивость человеческих представлений в мировой истории существует лишь до того момента, пока содержит в себе противоречивость своего существования. Поэтому Гегель не до-

казывает существование метафизического мира, что этот мир в любой момент времени может переходить в конкретную непосредственность материальной реальности и наоборот. Другими словами, разумный мир в философии Гегеля оказывается «размазанным» в своем многообразии: от самых простых непосредственных чувственных ассоциаций чего-то очень простого – до максимально сложного, до идеи мира как понимания его целостности и тождественности всего этого разнообразия темпоральных переходов рациональной диалектики мышления. Именно в силу равноценности утверждений ложного и истинного во всем многообразии этих состояний человеческой психики у Гегеля и отсутствует преимущество категорий рассудка над разумным пониманием, но, наоборот, доминирует безусловный авторитет второго. Можно сказать, что если у Канта конструируется устойчивая модель представления человека в культуре как возможности постоянного увеличения роста научного знания, то у Гегеля именно человеческое «размазывается» в этом почти неуловимом многообразии своих противоречивых состояний психики: от самых примитивных – до самых сложных. Понятно, что самые сложные состояния психики отображают взаимосвязь разума с метафизическим миром, но лишь настолько, насколько возвращают сознание назад, к непосредственному и вполне конкретному действию разумной воли в реальности. По существу, у Гегеля наукой рационального мышления является исследование этого множества состояний человеческой психики в отображении объективности мира как сплошного потока противоречивости этих постоянно меняющихся состояний человеческой психики в многообразии ценностей данного момента исторического времени. Ведь состояние психики великого художника в момент его творческого порыва, очевидно, отличается от психологического состояния домохозяйки за плитой. Здесь не просто противоречие, а можно сказать какая-то «бездна» по-

лярно противоположных психологический состояний. Именно этот разрыв, или бесконечную глубину противоречия, Ницше и взял за основу иерархии ценностей в понимании мира. Самые простые «человеческие» состояния психики, которые знакомы человеку в бесконечном повторении самых примитивных схем его непосредственного образа жизни, он определил, как «низшие». Он потребовал вообще разорвать взаимосвязь разума с ценностными установками традиционных представлений, чтобы иметь возможность постоянно концентрироваться на высших состояниях психики. Указав на максимальную концентрацию сознания человека с метафизической границей, Ницше, во-первых, потребовал, чтобы она перестала определяться как «метафизическая», поскольку в любом случае импульс воли от соприкосновения с ней производит движение власти ее отображения над непосредственным образом жизни человека, а, во-вторых, вообще отказался от возможности идентификации сознания импульса воли к власти как высшего состояния психики в каком-то конечном представлении. Следствием разрыва с каким-либо представлением было полное обесценивание «человеческого Я», которое всегда идентифицируется с представлениями рассудка. На этот момент, в частности, обратил внимание и Фрейд. И действительно, только при условии полной блокировки высших психических процессов, человеческое «Я» тождественно себе, то есть существует как нечто устойчивое, в чем человеческая индивидуальность самоценна как предмет культуры. Если же сознание постоянно концентрируется на созерцании метафизического мира, то возвращение сознания конечного импульса разумной воли в реальность не может быть только чем-то «человеческим», если культура и цивилизация находятся в глубоком противоречии, этот импульс возвращается в качестве чего-то «сверхчеловеческого». По существу, это импульс энергетического отображения психики от полноты метафизического мира, который

присутствует в человеческой жизни как отображение чего-то сверхчеловеческого, поскольку это отображение не может быть идентифицировано в пределах известных человеческих представлений.

* * *

Мы замечаем, что разговоры о ценностях характеризуют современное массовое сознание и всю систему массовых коммуникаций современной псевдоцивилизации. Понятно, что это не случайно. Не случайно, поскольку ценность – это всегда граница, которая выражает наибольшее или наименьшее содержание разумной мысли в тот исторический момент, когда процессы мировой цивилизации и мировой культуры разошлись на различные полюса. Это расхождение характеризуется тем, что в эпоху расовой катастрофы, когда рациональные коммуникации между людьми разрушены, продуктов культуры всегда очень много, а процессов цивилизации – всегда очень мало. Критерием процессов цивилизации, в нашем понимании, являются коммуникации между разумными людьми, которые практически отсутствуют в массовых социальных структурах современной псевдоцивилизации. Почему в современной псевдоцивилизации практически исчезли рациональные коммуникации между людьми? Ответ на этот вопрос мы должны искать в феномене расовой катастрофы, то есть в резком ослаблении активности высших процессов психики в подсознании человека, которое мы определяем, как энергию расового бессознательного. Так, именно высшая, расовая сфера подсознания человека, в отличие от его массового бессознательного, производит метафизическую взаимосвязь с высшими ценностями, поскольку именно область высшей подсознательной психики является источником понимания разумом происхождения человека и мира.

ГЛ. 3

ОЦЕНИВАЮЩИЙ РАЗУМ

Не вокруг тех, кто измышляет новый шум, а вокруг новых ценностей вращается мир; неслышно вращается он.

Ницше

Наблюдая за коммуникационными связями массового общества, которое существует за пределами разумной действительности, можно заметить, что эти связи складываются за счет вала той низкокачественной болтовни, в основном, о материальных проблемах человека, которая характеризует открытые «шлюзы» низшей человеческой психики, лишенной разума. Как так произошло, что вера в разум привела к его полному забвению, можно понять, сравнивая в системе фрактальных исторических координат веру в единого Бога с тем разложением варварских масс людей, которое характеризует Темные Века Западной Европы на ее историческом перепутье с эпохой Средневековья. Движение языческой веры было подавлено, и тогда было заявлено о задаче восстановления «Священной Римской империи», то есть в среде варваров была осознана расовая катастрофа, которая привела к уничтожению основ цивилизации на фоне безграничной власти новой веры. Именно здесь начинается возврат назад, к опыту предшествующих цивилизаций, основы которых были разрушены вследствие гибели Римской империи. Нечто подобное мы видим и в наше время, когда старая модель цивилизации перестала функционировать, а новая еще не сформировалась.

В эпоху расовой катастрофы происходит размывание субъективности и объективности, поскольку традиционные пред-

ставления перестают удовлетворять разумному пониманию. Начинается катастрофическое расхождение представлений о ценностях, их «размазывание» в резкой активизации животного существа человека, которое характеризуют кризисное состояние цивилизации, связанное с разрушением рациональных коммуникаций. В понимании рациональных коммуникаций мы должны отбросить мифологическое представление о них, доминирующее в массовом сознании, что эти коммуникации протекают исключительно в сфере научного понимания мира и его производных. В действительности, если это было бы так, то различные модели цивилизаций не исчезали бы в мировой истории, а на их месте не появлялись бы новые модели. Но как это заметил уже Шпенглер, любая модель цивилизации заканчивает тем уровнем достижений математического знания, который является определенной «выжимкой» ее исторического пути развития. Эта «выжимка» – система представлений о мире, которая начинает сопротивляться всеми возможными средствами в процессе распада цивилизации и перехода в состояние псевдоцивилизации, то есть того процесса, который мы наблюдаем в современном массовом обществе. В результате, неразумное понимание стремится полностью сконцентрироваться на возможностях абстрактного рассудка, чтобы избежать противоречивости сосуществования ценностей культуры и цивилизации, которое стремительно нарастает. Так заканчивается процесс развития старой модели цивилизации и начинается строительство ее новой модели. Но развитие новой модели мировой цивилизации неизбежно продолжает те философские идеи, которыми исчезающая цивилизация заканчивает, поскольку великие идеи, в русле которых существует и развивается философская мысль – и есть основа рациональных коммуникаций, которая всю историю развития мировой цивилизации противостояла массовым коммуникациям. Ведь массовые коммуникации – это те конечные представления «че-

ловеческого» рассудка, которые рано или поздно перестают выражать взаимосвязь сознания человека с метафизическим миром, вследствие чего постепенно становятся чем-то мифологическим.

* * *

В чем принципиальное отличие культуры от цивилизации? Мы полагаем, что цивилизация всегда указывает на метафизическую границу между людьми, на что-то «сверхчеловеческое», по отношению к чему «человеческое» дифференцируется на иерархическую систему ценностей: от низшего – к высшему или наоборот. И если эта иерархическая система исчезает, то модель цивилизации начинает стремительно рушиться, постепенно превращаясь в обломки псевдоцивилизации. Конечно, для сознания, которое лишено опыта рациональной психологии, связи псевдоцивилизации кажутся «цивилизацией», но время постепенно фрактализирует массовые коммуникации, поскольку время – это отображение импульсов высших слоев подсознательной человеческой психики, где постоянно работают ресурсы памяти, взаимосвязанные с высшими ценностями исторического прошлого, оценивая по отношению к ним ценности настоящего. Ценность, таким образом, объективно есть онтологический поток времени, указывающий на взаимоотношение между культурой и цивилизацией в их иерархической модели в непосредственных действиях воли человека. Если этот импульс воли возникает как продукт сублимирования подсознательного влечения, то речь идет о массовых коммуникациях, если импульс воли идет из высших слоев его подсознательной расовой памяти, то есть не обнаруживается как непосредственный источник в знакомых ассоциациях, то это уже рациональные коммуникации, обладающие метафизической основой. Но проблема состоит в том, что, в отличии от

массовых коммуникаций, рациональные коммуникации всегда требует экстремального состояния психики, какую бы деятельность человека мы не рассматривали. Это обусловлено тем, что великие идеи в мировой истории всегда разрушительны для знакомых ассоциаций непосредственного чувственного восприятия человека, в пределах которых он существует в своей повседневной жизни.

Полагая, что подлинная разумная субъективность человека формируется его глубинной расовой памятью, мы должны ответить на вопрос: что мы понимаем под «расой»? На самом примитивном уровне понимания, мы полагаем, что речь идет о расе *homo sapiens* как о чем-то эмпирическом, отсылая тем самым к научным исследованиям биологической эволюции происхождения человека, что в наше время почти тождественно по качеству своей рациональной составляющей религиозной мифологии. Размышляя над сущностью расовой природы человека, мы утверждаем, что эта сущность является метафизической, поскольку то, что в действительности связывает человеческую расу в развитии мировой цивилизации, – это наличие у человека разума, не может быть объяснено только с чисто материалистических позиций представлений. Это обусловлено тем, что компьютерная модель фрактальной реальности дает нам только мгновенное рациональное сечение онтологического потока времени, если речь идет о научном моделировании; или подобии исторических событий, если речь идет о понимании законов развития мировой цивилизации. Поскольку мы существуем в историческую эпоху Темных Веков, глобальная переоценка известных представлений о мире вызвана фактом перестройки рациональной психологии человека из одной модели развития цивилизации – в другую модель, когда этот процесс характеризуется перестройкой его высших подсознательных процессов психики. А подсознательные процессы психики, даже в самом их примитивном понимании, то есть

на уровне массового бессознательного, где действуют конечные человеческие влечения, изучены очень мало. Пропасть же между бессознательными импульсами воли и бессознательными импульсами влечений состоит в том, что процесс сублимирования влечений определенной социальной моделью массовых коммуникаций формирует конечные человеческие представления о мире, тогда как разумные импульсы воли всегда определяются сопричастностью сознания человека пониманию какой-то авангардной метафизической границе мира. Другими словами, в начальном импульсе разумной воли всегда присутствует что-то сверхчеловеческое, что человек не может контролировать исключительно абстрактным рассудком, поскольку это сверхчеловеческое в его глубинных подсознательных импульсах воли всегда вступает в противоречие с конечными абстрактными представлениями рассудка.

* * *

Ответ на вопрос о том, почему систему разумных понятий, где научное содержание полностью контролирует субъективное и объективное знание, сменила система рациональных оценок, которая является относительной, с точки зрения «человеческого мира», мы должны искать в историческом факта расовой катастрофы, связанной с кардинальным изменением современной модели мировой цивилизации. Так, в момент глобальной перестройки рациональной психологии человека, которая связана с периодической сменой одной модели мировой цивилизации – на другую модель, рушится привычная система представлений о мире, которая выстраивается за счет непротиворечивости суждений абстрактного рассудка. Таким образом, именно углубление научного знания приводит к перестройке рациональной системы понятий, которое определяет процессы развития мировой цивилизации, когда модель цивилиза-

ции устойчива. Но в процессе расовой катастрофы, то есть по существу, утраты какой-то единой метафизической меры, по отношению к которой развиваются внутренние процессы мировой цивилизации, остается лишь что-то «человеческое», что описывается лишь двумя низшими познавательными способностями человека: непосредственным чувственным восприятием и абстрактным рассудком.

Основной принцип доказательства существования метафизического мира в пределах представления, как показывает философия Канта, существует от противного. Понятно, что абстрактное представление рассудка о том, что метафизический мир существует, – от его непосредственного действия в человеческой душе отделяет бесконечная «пропасть», которая выражается в факте неизбежной «зачистки» любых конечных представлений о мире, которые есть следствие процесса постоянного усложнения научного понимания мира. Это, как мы полагаем, является математической составляющей фрактального мира, которая показывает отдельные структурные звенья физической материи, «вырываемой» из общего онтологического потока времени, давая возможность абстрактному научному рассудку моделировать фрактальные последовательности граней этого потока как единого целого в определенной научной системе знания. Но, в отличие от научного знания в устойчивой модели цивилизации, где рациональное понятие полностью владеет содержанием абстрактного научного рассудка, то есть имеет место быть непрерывный процесс развития научных идей фундаментальной науки, в момент расовой катастрофы именно целостность научного знания подвергается фрактальному «дроблению». Подобный процесс обусловлен тем, что субъективность разума в природе человека не может быть образом машинного мышления, которым целиком и полностью владеет человеческий рассудок. Эту идею, чьи следы нужно искать в метафизической мысли великих западноевропейских

ученых, таких как Лейбниц, следует все-таки относить уже не к чему-то разумному, а лишь к рассудочно поверхностному, что определяет современную мифологию массовой культуры с ее примитивным материализмом тотального доминирования ценностей представлений научно-технического прогресса. Понятно, что технологическая мощь компьютеров будет стремительно возрастать с течением времени, как, впрочем, и достижения научно-технического прогресса, но все-таки эти абстрактные представления человеческого рассудка обречены будут крутиться в пределах известных физических представлений о строении мира, тогда как метафизическая мера, время, здесь всегда будет оставаться в стороне.

Вопрос о понимании метафизической природы мира в эпоху расовой катастрофы неизбежно сводится к необходимости активизации высших подсознательных процессов психики в глубинах подсознания человека. Это связано с тем, что вследствие разрушения традиционных представлений о мире, которые определяют абстрактные возможности человеческого рассудка, где культура и цивилизация выступают как одно целое, в эпоху расовой катастрофы ценности культуры и цивилизации вступают в глубокие противоречия, которые не могут быть сняты в пределах известной логики человеческого рассудка. Так, эти подсознательные глубины психики, с одной стороны, указывают на активность ценностей низших, сводящихся к животным влечениям, а с другой стороны, к ценностям высшим, которые выражают импульсы воли к власти, отображающих метафизическую природу мира. Противоречивость здесь возникает по той причине, что система низших ценностей образует определенную последовательность активности психических реакций массового бессознательного, а область высших ценностей – психические реакции того, что практически не относится к массовым инстинктам человека, однако полностью определяет его непосредственный образ жизни по отношению

к метафизической природе бытия, то есть разумную психологию. Конфликт между этими системами ценностей возникает на бессознательном уровне, потому что высшие ценности в авангардном развитии новейших идей развития мировой цивилизации всегда противоречивы, ибо они не сводятся к известной системе представлений о мире.

Для нас важно понимать, что противоречия между абстрактными ценностями человеческого рассудка и пониманием действующего разума значительно более глубокие, чем противоречия между непосредственным чувственным восприятием мира и абстрактным человеческим рассудком. И если второй тип противоречий определяет границу между человеческими влечениями и абстрактной системой представлений о мире, доминирующей в определенную историческую эпоху, то первый конфликт в принципе выходит за пределы конечных представлений рассудка, поскольку действующий разум неизбежно их разрушает в процессе воздействия глубины новейших идей, возникающих в авангардном развитии мировой цивилизации. Главное, в понимании оценивающей функции разума, в отличии от его чистой понятийной основы в научном знании, следует видеть в том, что ценность задает последовательность временной цепи противоречивой мысли в авангарде новейших идей развития мировой цивилизации, когда наиболее глубокие противоречия разрешает время, а не сам человек. Подобного рода временная цепь оценивающего разума, выражающего онтологический поток времени, и есть фрактальная действительность метафизического понимания мира, которая на самом примитивном уровне существует в возможностях компьютерной графики, где художественная реальность и математическое моделирование выражают рациональное сечение онтологического потока времени.

Время есть метафизическая граница: между человеческим и сверхчеловеческим, где рациональным сечением этого про-

тиворечивого существования является фрактальный мир, который показывает локальные области присутствия мирового духа, то есть духовного единства расы *homo sapiens* в процессе строительства мировой цивилизации. Это те потенциалы бессознательного инстинкта смерти человека, которые владеют расовой психологией всех народов мира, проводя суровую границу с животным миром, действующим на основании инстинктов. Можно сказать, что эти потенциалы бессознательной памяти находятся в постоянном конфликте с животными влечениями человека, но они не «вытесняют» их, как это рассматривается в психоанализе, за счет воздействия социальной культуры, а буквально «замораживают», то есть пронизывают мощнейшими импульсами подсознательного инстинкта смерти. Собственно, это и есть процесс постоянного воздействия мирового духа, или расового бессознательного в глубинах человеческой психики. Здесь необходимо осознавать, что рациональное мышление должно в наше время выйти за пределы мифологии тотальных догм материалистического восприятия мира, которое ограничено абстракциями научных представлений.

Оценивая объективно процесс движения онтологического потока времени в глубинах человеческой психики, мы полагаем, что индивидуально субъективное и есть эта новейшая метафизическая мера, которая определяет границу между высшими и низшими ценностями в сознании человека. Но она не может быть только «человеческой» в том смысле, что конечные представления абстрактного рассудка формируют лишь массовые коммуникации между людьми. Массовое бессознательное существовало во все времена мировой истории, что доказывают исследования психоанализа, который работал с низшими процессами человеческой психики. Попытка психоанализа рассуждать об «инстинкте смерти» с позиции бессознательных влечений, наталкивается на явную противоречивость подобно-

го понимания, с точки зрения разума, поскольку биология человека не может быть направлена на самоуничтожение. Здесь необходимо понимать, что массовое бессознательное восстанавливает свои «права» в тот исторический момент, когда рациональные связи мировой цивилизации максимально ослабляются и постепенно рвутся, то есть нарушается полноценный ритм процессов расовой, или высшей, психики человека. Массовое сознание и массовое бессознательное активизируются в тот момент, когда расовые коммуникации, как импульсы высших процессов психики, разрушаются между людьми. Именно в этот исторический момент влечения резко активизируются в непосредственном образе жизни человека, а разумные импульсы воли, наоборот, гаснут. В результате, в эти исторические эпохи расовых катастроф, разумный человек теряет контроль над политической ситуацией, и тогда начинается историческое безвременье Темных Веков мировой истории.

Оценка, таким образом, в контексте мыслящего разума, является отображением уровня развития рациональной психологии субъекта, которая характеризует его место в истории в данный момент времени. Понятно, что если существует тождество между культурой и цивилизацией, то оценивающая функциональность разума минимальна, поскольку разумная мысль необходимо отображает высшие ценности, выражающиеся в совпадении ценностей культуры и цивилизации. Однако подобные эпохи кратковременны, условно совпадая с эпохой Возрождения, которые различны в мировой истории и которые попытался систематизировать Шпенглер. «Крайние» же исторические периоды развития определенной модели цивилизации по отношению к периоду ее существования, а именно, эпохи расовых катастроф, характеризуются максимальными противоречиями между ценностями абстрактного рассудка и действующего разума.

* * *

Рассуждая о методах оценивающего разума, мы полагаем, что главным его отличием от чисто научного понимания, ограниченного представлением, является возможность движения последовательности мысли не только в чисто логически непротиворечивых абстрактных операциях, но и в движении противоречивой логики ценностей в понимании авангардных идей развития мировой цивилизации. Так, абстрактная логика не касается слоев бессознательной памяти и в этом смысле существует вне времени, тогда как рациональная логика необходимым образом захватывает высшие слои памяти человека, выявляя ценность мысли по отношению к онтологическому потоку времени. Вообще, потребность в разработке такой логики, которая бы не зависела от бессознательных процессов психики, была одной из задач западноевропейской рациональной школы мысли, которая стремилась избавиться от влияния христианских ценностей Средневековья, опыт которого полагался «не научным» и «не разумным». Но во фрактальной системе исторических координат, речь идет лишь о том, что одна система ценностных представлений вытеснила другую систему ценностных представлений, где духовное начало человеческой души подверглось вытеснению со стороны массовых инстинктов, что всегда происходит в процессе перехода системы функционирования цивилизации – в состояние псевдоцивилизации. В результате, мы видим, как образуется очередная тоталитарная мифология, на этот раз, научного материализма. Открытие «шлюзов» низших психических процессов человека, выражающих резкую активизацию массового бессознательно, является одним из критериев перехода процессов цивилизации к системе функционирования псевдоцивилизации, в которой следы разума исчезают. Иерархия ценностей – это то, что является необходимым условием существования цивилизации,

в отличии от функционирования псевдоцивилизации. В частности, это и отличие фундаментальной науки, которая всегда имеет дело хотя бы с минимумом метафизического содержания мира – от научных технологий, возникающих и реализующихся исключительно в системе конечных представлений о мире. Таким образом, взаимосвязь с метафизическим миром есть необходимое условие существования мировой цивилизации.

В вопросе: что оценивает с позиции разума то или иное явление в жизни человека, когда мы рассуждаем об иерархии ценностей, мы полагаем, что речь должна идти о бессознательной памяти человека, связанной с его расовым существом. Метафизическое, таким образом, есть то, что движет субъективностью человека из наиболее разрушительных подсознательных пластов его психики, возвращая к образам памяти, которые формируют его сознание как взаимосвязь с предшествующими поколениями и всем опытом мировой цивилизации на уровне объективных импульсов разумной воли. Объективность, следовательно, есть не абстрактная схема поведения человека в массовом обществе, которая не является цивилизацией, а тем, что ей противостоит, что разрушает эти массовые инстинкты и, как следствие, различные абстрактные представления о мире, какими бы «прогрессивными» они не казались на определенном этапе развития мировой цивилизации.

Вообще, размышляя над оценивающим методом разума в природе человека, мы всегда должны иметь ввиду определенные ценностные последовательности логических цепочек, которые существуют в глубинах памяти человека, высвечивающих в его сознании нечто целое как разумную действительность. Это начало было открыто Платоном в его понимании Единого как фрактальной сущности онтологического потока времени, которая каждый раз высвечивает образ «вечности» в определенной новизне различного комплекса идей понимания мира. Однако эта разрушительная полнота мира оказывает

ся в истории мировой цивилизации всегда слишком «сверхчеловеческой», то есть, можно сказать, буквально выворачивает психику человека «наизнанку». И действительно, в понимании Платона моральное – это не система абстрактных предписаний поведения человека в обществе, как это имеет место в религиозных доктринах монотеизма, а максимальная активность подсознательных слоев высшей психики, которая через возвращение к глубинам расовой памяти указывает на воздействие духа на материю, выражая основу метода действия подсознательной расовой памяти человека. Можно сказать, что человек в философии Платона «размазан» в природном мире, но таком природном мире, где онтологический поток времени пульсирует как наиболее качественный расовый опыт воспоминаний исторического прошлого, где иерархия ценностей присутствует как «фильтрация» онтологическим потоком времени высших и низших ценностей. Высшие ценности Платон потому и называет «идеями», что прообраз начального импульса действия разумной воли человека существует в высших слоях расовой памяти, а не в конечном человеческом опыте. В этом смысле, идея Ницше о «вечном возвращении» есть лишь восстановление подлинного понимания идеи Платона, которая не противопоставляется материальному миру, как это имеет место быть во всей традиции западноевропейской философской мысли, начиная со схоластики, а то, что, можно сказать, «выплескивается» материей фрактальной структуры времени. Таким образом, материя есть фрактальная структура времени.

* * *

Разумная субъективность в метафизической действительности не может сводиться к чему-то «человеческому», поскольку мир любых человеческих представлений обречен исчезнуть в онтологическом потоке времени. Ведь объективность чело-

веческого представления – это абстрактная схема понимания, которую рассудок формирует в качестве ценности, используемой для того, чтобы она постепенно становилась «товаром». И лишь высшая ценность, как область метафизического мира, не может быть представлена и, следовательно, оценена как конечный «товар». Невозможность рассматривать высшие ценности как «товар» объясняется тем, что высшая психика человека обладает исключительной внутренней разрушительностью, за счет которой, собственно, и формируются полноценные импульсы разумной воли, в отличие от влечений. Эти полноценные импульсы максимально дискретны, а не монотонны, как влечения, поскольку эта «скрученность» временной фрактальной длительности возникает не из инстинкта самосохранения человека, а из его подсознательного инстинкта смерти, то есть, по существу, хаоса непрерывности любого процесса, который мы должны рассматривать в самом широком смысле: от физического хаоса энтропии – до хаоса человеческих представлений, отработанных в процессе развития цивилизации и отправляющихся на «покой» в культуру. Хаос «человеческих» представлений возникает именно в силу ослабления полноценного разумного понимания мира, то есть разумной оценки объективности метафизической действительности. В этот момент разумная индивидуальность «размазывается» онтологическим потоком времени, когда тензоры разумной воли разрушаются и власть влечений вступает в свои права. Таким образом, исключительная значимость оценки метафизической объективности есть необходимое условие существования разумности внутренних процессов мировой цивилизации, то есть примата действия тензоров разумной воли – над социальными комплексами влечений.

Почему необходим предмет метафизической объективности знания для разумного существования человека? Мы полагаем, что это необходимо для полноценного функционирования

внутренних процессов мировой цивилизации, то есть коммуникационной взаимосвязи между разумными индивидуальностями. В противном случае, власть над сознанием человека захватывают массовые влечения, то есть животное существо человека начинает доминировать над его разумом. Уже здесь можно увидеть сложное строение человеческой психики, в которой триада: животное – человек – сверхчеловеческое, можно сказать, пульсирует многообразием эмоциональных состояний психики, где «человеческое» есть лишь нечто усреднённое по отношению к ее максимально сложному строению. Онтологический же поток времени буквально «пронизывает» высшие слои психики человека подсознательным инстинктом смерти, которые определяют его расовую память, во-первых, и, как следствие, создают коммуникационную систему мировой цивилизации, во-вторых. Мы собственно, утверждаем, что современная модель мировой цивилизация перешла в состояние псевдоцивилизации, потому что оказалась утраченной взаимосвязью с логикой расовой памяти человека, что мы называем исторической эпохой «расовой катастрофы». Но логика расовой памяти по самой своей сути не может быть непротиворечивой, поскольку ее создает не машинный алгоритм схематизма человеческих представлений, а «туман» максимальной глубины подсознательных процессов высшей психики. Эта архитектоника процесса возникновения сознания мира действует в глубинах высшей психики человека через тензоры его подсознательной расовой памяти.

Вообще, «человеческое» представление, как мы полагаем, возникает в процессе сублимирования человеческих влечений в сфере социальной психологии. В результате, возникает определенная культура: религиозная, научная, политическая, и другие ее виды, то есть все то разнообразие человеческих представлений, которое и формирует устойчивую «середину» психических процессов, создающих определённую стабиль-

ность функционирования социума во всех исторических эпохах. Однако ошибочно полагать, что историей движут различные социальные отношения, как это полагается, в массовом сознании. В действительности, усреднённое состояние психики, которое образуют полноценные коммуникации социальных «человеческих» отношений, определено в поле разумных процессов мировой цивилизации, только если ценности культуры и цивилизации совпадают, образуя разумное тождество. Но социальные ценности и ценности цивилизации неизбежно вступают в наиболее глубокие противоречия, когда одна модель цивилизации рушится, а другая начинает формироваться из своих простейших фрактальных элементов, что определяет политическую реальность нашего времени.